

DIE WELT DER SLAVEN

Internationale Halbjahresschrift
für Slavistik

Herausgegeben von
Peter Rehder (München),
Igor Smirnov (Konstanz), Schamma Schahadat (Tübingen)

Jahrgang 64 (2019), Heft 1

Harrassowitz Verlag · Wiesbaden

Beirat

Daniel Bunčić, Raoul Eshelman, Rainer Grübel, Wolfgang Hock, Sebastian Kempgen, Aleksandr Lavrov, Volkmar Lehmann, Wolf Schmid, Ulrich Schweier, Klaus Steinke, Michael Wachtel, Anna Zalizniak

Einsendung von Artikeln (bitte Typoskriptregeln anfordern) bzw. von Rezensionsexemplaren an die Herausgeber

Prof. P. Rehder, Universität München (rehder@lrz.uni-muenchen.de)

Prof. I. Smirnov, Universität Konstanz (ipsmirnov@yahoo.com)

Prof. Sch. Schahadat, Universität Tübingen (schamma.schahadat@uni-tuebingen.de)

Eine Verpflichtung zur Besprechung oder Rücksendung zugesandter Bücher kann nicht übernommen werden. Rezensionen nur nach Rücksprache mit den Herausgebern.

Inhaltsverzeichnisse der Jahrgänge XLI (1996) bis 63,2 (2018) als pdf unter:
http://www.slavistik.uni-muenchen.de/forschung/publikation/welt_der_slaven/index.html

Bis Band LX (2015) erschien die Zeitschrift im Verlag Otto Sagner, München.

© Otto Harrassowitz GmbH & Co. KG, Wiesbaden 2018

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt.

Jede Verwendung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Das gilt insbesondere für Vervielfältigungen jeder Art, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und für die Einspeicherung in elektronische Systeme.

Gesetzt aus der Campus Garamond von MacCampus

Druck und Verarbeitung: Hubert & Co., Göttingen

Gedruckt auf alterungsbeständigem Papier

Printed in Germany

www.harrassowitz-verlag.de

ISSN 0043-2520

Artikel

Wingender, Monika	
Komparative Standardologie in der Südslavistik: Ausgewählte Meilensteine und Perspektiven	1
Rabus, Achim	
Vergangenheitsbildung in gesprochenen karpatorussinischen Varietäten: Quantitativ-statistische Perspektiven	16
Kohler, Gun-Britt	
Feldgrenzen, Dissimilation und das Ringen um kulturelles Kapital. Selbst- und reziproke Fremdkonzeptualisierungen polnischer und belarussischer Literatur zu Beginn des 20. Jh.	35
Panova, Lada	
“A very ugly story”. Fiction, non-fiction, and mimetic desire in Ivan Bunin’s <i>The Case of Cornet Elagin</i>	68
Буланин, Дмитрий	
Политическая доктрина в афоризмах: Малоизученные источники <i>Первого послания</i> Ивана Грозного Андрею Курбскому	87
Литвина, Анна Ф., Федор Б. Успенский	
Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции	108
Мольков, Георгий А.	
Лингвотекстология Успенского сборника: Данные орфографии	128
Крысько, Вадим Б.	
Лáврошевское евангелие и его экстратексты	148

Rezensionen

Thiergen, Peter	
Cheauré, Elisabeth (Hrsg.), <i>Muße-Diskurse. Russland im 18. und 19. Jahrhundert</i> . Tübingen 2017	190

Mrugalski, Michał

Strätling, Susanne, *Die Hand am Werk: Poetik der Poiesis in der russischen Avantgarde*. München 2017 194

Trunte, Nicolina

Petkov, Julian, *Altslavische Eschatologie. Texte und Studien zur apokalyptischen Literatur in kirchenslavischer Überlieferung*. Tübingen 2016 202

Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции*

Abstract

The history of dual Christian naming – that is, the practice of giving a lay person an additional Christian name, other than his/her baptismal name, – spans a period as long as at least five centuries (late 13th to 18th). This practice tended to be mostly socially and gender neutral, however, the ruling elites specifically contributed both to the making and unmaking of it. Originally, Russian princes and their milieu would give a baby one Christian name as baptismal and another as public, patrimonial and dynastic. Later, this public name would conflate the functions of a dynastic name and a baptismal name, while the first name, defined by the birth date, would be relegated to personal piety. Later, this transformation would have a dramatic effect on the whole practice of naming in Russia.

Светская христианская двуименность на Руси, когда человек в миру одновременно обладал двумя календарными именами, была явлением весьма долгоживущим и при этом в определенном смысле социально и гендерно нейтральным. Оно возникло не позднее рубежа XIII–XIV столетия и в том или ином виде просуществовало до конца XIX, а в отдельных сообществах задержалось практически до наших дней. При этом среди носителей двуименности мы обнаруживаем бояр и подьячих, царей и кабальных холопов, князей и купцов, попов и ремесленников, княгинь и дворовых служанок, вдов и девиц.

Исследование и сопоставление всего этого обширнейшего и разнородного ономастического материала являет собой задачу еще никем не решенную и до недавнего времени во всей ее полноте, в сущности, даже не ставившуюся. Берясь за эту тему, исследователь сталкивается с целым клубком тенденций и закономерностей, которые хотя и не являлись (за редким исключением) абсолютными и непреложными законами, но регулярно действовали весьма долгое время и на весьма протяженном пространстве, сменяя друг друга в определенном порядке. Более того, работа с христианской двуименностью довольно быстро позволяет заметить, что мы имеем

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 18-01-0040: «Феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2108–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5-100”.

дело не просто с огромной россыпью разнообразных казусов, но с некой целостной и при этом эволюционирующей традицией. При этом если для понимания многих механизмов этой традиции важен максимально возможный охват данных, относящихся к разным социальным слоям, то эволюция ее наиболее наглядно прослеживается в именовании правящего рода.

Вместе с тем, нам ни в коем случае не хотелось бы представить дело таким образом, что на примере семьи Рюриковичей можно продемонстрировать все особенности и закономерности интересующего нас феномена; с другой стороны, невозможно утверждать, что все параметры функционирования двуименности, выявленные для династии, могут быть спроецированы на обиход ее подданных. В отличие от домонгольского времени, нельзя сказать даже, что правящий дом дает какой-то особенно обильный или репрезентативный массив антропонимических данных – двуименность лучше всего представлена в текстах, относящихся к концу XV – второй половине XVII столетия, а для этой эпохи мы располагаем таким количеством источников, содержащих двойные мирские именованья самых разных лиц, что династическое именование является здесь лишь небольшим ручейком в общем потоке. Кроме того, для позднего русского Средневековья нельзя, разумеется, говорить о всей совокупности Рюриковичей как о правящем роде в том же смысле, в каком о ней говорится при обсуждении ономастической ситуации XI–XII столетий. Уже из самых поверхностных наблюдений очевидно, что практика именования непосредственных претендентов на великое княжение, членов московского великокняжеского дома и русских царей, оказывается не во всем тождественной обычаям их менее значительных и все более отдалявшихся родичей.

Тем не менее весьма существенно, что именно Рюриковичи оказались, по всей видимости, пионерами двуименности – во всяком случае, именно их выбору мы обязаны самым ранним зафиксированным ее казусам, и они же в свое время, находясь на вершине власти, трансформируют эту традицию таким образом, что в правящем доме и лишь затем на Руси в целом она пошла на убыль, не дожидаясь петровских реформ и прочих глобальных преобразований XVIII в.

Прежде чем обратиться к ключевым эпизодам в династической истории светской христианской двуименности, необходимо сказать несколько слов о самой природе интересующей нас традиции. Как и для чего у некоторых людей в миру появляется два имени, позаимствованных из месяцеслова, таких, например, как *Федор* и *Порфирий*, *Иван* и *Василий*, *Мария* и *Анисия*, *Елена* и *Гликерия*? Ведь значительная часть их современников, родственников и соседей, довольствуется одним календарным именованием, и церковь отнюдь не настаивает на том, чтобы у человека было более одного христианского имени. В самом общем виде причины возникновения христианской двуименности можно уподобить тем, что несколькими столетиями ранее

породили двуименность, так сказать, классического типа, ту, что сочетала календарное имя с именем некалендарным (*Всеволод / Андрей, Остромир / Иосиф, Ярополк / Петр* и т.п.; см. о ней подробнее: Комарович 1960, 89–90; Литвина & Успенский 2006, *passim*). Подобно тому как классическая двуименность вызвана стремлением примирить идею родовой преемственности с необходимостью давать каждому крещеному человеку имя того или иного святого, двуименность христианская согласует желание снабдить новорожденного подходящим для семьи и привычным для социума именем со стремлением отразить в имянарекении месяцесловную дату его появления на свет.

Последнее стремление проявилось в династии далеко не сразу. Вплоть до рубежа XII–XIII вв. христианские имена князей подбирались вне строгой ориентации на календарь, однако уже в домонгольское время можно наблюдать, как календарный цикл все глубже проникает в повседневный обиход. Условно говоря, каждое событие все регулярнее и неизбежнее соотносится с именем того святого, на день памяти которого оно пришлось. Своеобразной оборотной стороной этого процесса становится такое явление, когда князья начинают приурочивать те или иные важные для них действия к праздникам собственным небесным покровителям, святым тезкам по христианскому имени (см. подробнее: Литвина & Успенский 2006, 111–214; Литвина & Успенский 2015). Имянарекение как таковое с определенного момента тоже втягивается в этот календарный ритм – всякий новорожденный оказывается связан с тем святым, на день которого он родился, и наиболее естественно, казалось бы, запечатлеть его связь в его имени.

Однако за несколько столетий у князей, да и не только у них, сложился собственный (и довольно ограниченный) круг христианских имен, пригодных для членов рода (таких, как *Василий, Федор, Николай, Иван, Андрей, Дмитрий*), и далеко не всякому княжичу, конечно же, выпадало родиться на св. Дмитрия или св. Андрея. В ситуации подобного несовпадения можно было действовать разными способами – выбирать имя по-старому с весьма приблизительной оглядкой на календарь, ориентироваться исключительно на дату рождения и пытаться ввести в родовой обиход совершенно новое для него имя или дать ребенку два имени: то, что связано с днем его рождения, и то, что подошло бы по семейным или династическим соображениям. Рюриковичи, как и их подданные, использовали все три этих возможности, лишь одна из которых в качестве результата давала христианскую двуименность.

Не последнюю роль во всем этом процессе играло то обстоятельство, что свое христианское имя – единственное или одно из двух – человек мог получить еще до совершения над ним таинства крещения, в так называемой молитве на наречение именем. В этом смысле очень показателен пример одного из князей Гедиминовичей, с которыми Рюриковичи находились в столь тесных родственных и политических контактах. Согласно Псков-

ской летописи, в 1341 г. юный сын Ольгерда успел поучаствовать в военном предприятии своего отца и дяди, уже получив христианское имя *Андрей*, но еще не будучи крещен¹. Сходным образом, два с лишним столетия спустя черкесская княжна, которой предстояло стать второй женой Ивана Грозного, была наречена в честь Марии Магдалины приблизительно за две недели до своего крещения (ПСРЛ, XIII (1904), 333; ср.: ПСРЛ, XXIX (1965), 291). *Мария*, судя по всему, было ее единственным христианским именем, хотя празднование этой святой не совпадало ни с днем наречения, ни с датой крещения. С другой стороны, нередко бывало так, что в соответствующей молитве – если она произносилась непосредственно в день рождения младенца – естественным образом появлялось имя того святого, память которого на этот день приходилась. В дальнейшем же родственники и священник могли использовать такое имя по-разному, в частности, как элемент двойного именования.

В той антропонимической полифонии, которая исстари существовала на Руси, христианская двуименность воспринимается как нечто естественное и закономерное. Два имени встраиваются в уже сформировавшуюся прежде функциональную матрицу – одно из них принимает на себя роль династического, публичного, тогда как другое становится частью индивидуальной церковной жизни своего обладателя. Соответственно, первое гораздо чаще оказывается «на слуху» и куда активнее фиксируется в письменных памятниках, другое же, непубличное, проникает в тексты ощутимо реже, а может и вовсе не сохраниться в дошедших до нас источниках. В этом отношении христианская княжеская двуименность наследует двуименности классического типа: если в XI в. публичным и регулярно присутствующим в летописи именем князя было, скажем, *Изяслав*, а полученное в крещении *Дмитрий* мы восстанавливаем по косвенным данным и иностранным источникам, то в XIV столетии князь по имени *Дмитрий* как раз под этим именем и фигурирует в подавляющем большинстве текстов, тогда как его другое имя, *Фома*, всплывает лишь в записи о его кончине.

Замечательно, что именно с этим последним антропонимическим сочетанием связано едва ли не самое надежное и определенное из всех ранних свидетельств существования русской христианской двуименности. Его обладателем был не кто иной, как Дмитрий / Фома Константинович († 1383), князь Суздальский и Нижегородский, державший в течение нескольких лет ярлык на великое княжество Владимирское, тесть Дмитрия Донского. В летописи со всей определенностью обозначен статус его имени *Фома*:

Того же лѣта, мѣсяца Июля въ 5 день, преставися во иноческомъ чину князь велики Дмитрей Константиновичъ Суздальскій и Новгорода Нижнего, внукъ Васильевъ, правнукъ Михайловъ, праправнукъ Андрѣевъ; бѣ же ему во святомъ

¹ Ср.: «Ольгерд» приведе... с собою сына своего Андрѣа, тако бо бѣшетъ имя емоу молитвенное, а еще бѣ не крещень» (ПСРЛ, V/2 (2000), 95).

крещении имя *Θομα*, а иноческое *Θεοδωρ*. (ПСРЛ, XI (1897), 83; ср.: ПСРЛ, VIII (1859), 48–49)

Значение этого сообщения для истории русской антропонимики трудно переоценить. Для понимания всякой ситуации, где присутствует христианская двуименность, в первую очередь важно знать, какое из двух именованных было получено в крещении – крестильное имя является своеобразной осью, вокруг которой строится все функциональное распределение ономастических элементов, сопровождающих человека на протяжении жизни. Казус *Дмитрия / Фомы* позволяет убедиться, что уже в ту эпоху существовала практика подбора монашеского имени к имени крестильному, безусловно доминировавшая в XV–XVII столетии (Успенский & Успенский 2017, 100–115) – в иночестве князь становится именно *Федором*, а не, скажем, *Дорофеем* или *Диомидом*. Не менее существенно, с другой стороны, что крестильным у правителя оказывается имя непубличное, не то, под которым он княжит. Именно такое распределение крестильного и публичного имен будет весьма широко представлено в самых разных слоях русской элиты конца XV–XVII в.

Кроме того, благодаря этому казусу мы можем пронаблюдать, как в одной и той же семье реализуются разные возможности имянаречения, а заодно и увидеть, как могла быть устроена у русских князей ситуация братьев-тезок. Как известно, в историографии Дмитрий Константинович Суздальский нередко именуется «Дмитрием Старшим», потому что у него был родной младший брат, также обладавший династическим именем *Дмитрий* (Дмитрий Ноготь). Характерно, однако, что для младшего из братьев это имя, по всей видимости, в мирской жизни было единственным. Во всяком случае, при постриге он стал не кем иным, как *Дионисием*, и весьма вероятно, таким образом, что его монашеское имя было подобрано к имени *Дмитрий*, а не к какому-то иному крестильному именованию.

Такое положение дел, когда в одной и той же семье кто-то из братьев и сестер обладает двумя календарными именами, а кто-то носит только одно (порой в сочетании с некалендарным), в более позднюю эпоху также встречается весьма регулярно. Небезынтересно, с другой стороны, что братья одновременно являются и не являются тезками, поскольку их именованья устроены асимметрично и крестильные имена служат точкой их различения, а не отождествления, не говоря уже о том, что *Ноготь* в данной антропонимической ситуации – безусловно нечто большее, чем прозвище в современном смысле этого слова.

Антропонимическое досье *Дмитрия / Фомы*, родившегося, по всей видимости, в первой половине 20-х годов XIV столетия, замечательно еще и тем, что русские месяцесловы той поры знают, в сущности, одного-единственного святого, обладавшего именем *Дмитрий* – это не кто иной, как Дмитрий Солунский, чья память отмечается 26 октября. На 6 же октября выпадает память апостола *Фомы*. Таким образом, мы получаем некие ка-

лендарные ориентиры, связанные с имянаречением этого князя, хотя абсолютно надежным является лишь один из них, «Дмитриевский», поскольку святых с именем *Фома* в месяцеслове несколько.

Весьма соблазнительно предположить, что будущий князь родился на апостола Фому и в крещении получил имя этого святого непосредственно по дню рождения, тогда как династическое имя было подобрано ему в календарных окрестностях этой даты, как это неоднократно делалось в последующие столетия. Предположение о дне рождения суздальского князя не может быть принято безапелляционно, и дата эта остается целиком и полностью реконструктивной. Однако в последующей истории династии для подкрепления подобной реконструкции находятся некоторые основания. Вернее, у нас в руках есть некий паззл, каждый из элементов которого недостаточен сам по себе, но будучи сложены вместе, они создают общую картину привычного сочетания имен апостола Фомы и мученика Дмитрия Солунского.

С одной стороны, известно, что именно 6 октября появился на свет отдаленный московский потомок Дмитрия Константиновича, сын Ивана III Дмитрий Жилка. Правда, мы не знаем в точности, носил он еще одно имя *Фома* или в его случае дело ограничивалось простым почитанием апостола Фомы как одного из небесных патронов (о подобного рода казусах в правящем доме XV–XVI в. см. ниже). Зато и *Дмитрием*, и *Фомой* со всей определенностью был принадлежащий к суздальской линии Рюриковичей Дмитрий Иванович Шуйский († 1612), брат царя Василия Шуйского, правда, точной даты его рождения источники не сохранили. Так или иначе, весьма характерно, что имя *Фома*, никогда не становясь публичным именем в династии, несколько раз охотно сочетается с княжеским *Дмитрий*.

Достаточно ясно и определенно устроен случай имянаречения родного внука Дмитрия / Фомы Константиновича – сына Дмитрия Донского Андрея Можайского, родившегося в 1382 г. Здесь источник, в котором упоминается еще одно имя князя, *Максим*, демонстрирует все ту же модель функционального распределения между именами: крестильным выступает непривычное для династии *Максим*, тогда как родовым, публичным, фигурирующим во множестве источников оказывается архитрадиционное *Андрей*:

... князя Андрея Можайского, нареченного во святомъ крещении Максима.
(Турилов 2006, 207)

При этом имя *Максим* явным образом связано с днем рождения княжича, 14 августа (ПСРЛ, I, 536; VIII, 42; XI, 71; XVIII, 131; XX/1, 203; XXIV, 149; XXV, 206), а имя *Андрей*, быть может, имеет отношение к Андрею Стра-

тилату, одному из излюбленных княжеских святых, чья память отмечается 19 августа.²

Два этих ясных с точки зрения функционального статуса мирских христианских имен случая, казус *Андрея / Максима* и *Дмитрия / Фомы*, в особенности последний из них, позволяют с большим основанием говорить о двуименности в XIV в. и придают большую уверенность нашим рассуждениям о сюжетах несколько более сложных и запутанных. Два христианских имени, по всей видимости, было у невестки Дмитрия / Фомы, жены († 1378 г.) его брата Андрея Константиновича – во всяком случае, в источниках она выступает то под именем *Анастасия*, то под именем *Василисса*, хотя речь, со всей очевидностью, идет об одном и том же человеке (ПСРЛ, XI (1897), 9, 41–42).

Этот ономастический факт сразу же сталкивает нас с рядом проблем, имеющих отношение к женской христианской двуименности как таковой. Получила ли она, например, второе имя в детстве или при замужестве, как это много позже иногда случалось с некоторыми невестами русских царей? Существенным может быть и календарное соотношение ее имен. До сих пор мы говорили о случаях, когда публичное имя подбиралось по празднику святому, чья память отстоит от дня рождения его обладателя на некоторое небольшое время. Однако порой мы сталкиваемся с довольно редкими, но весьма выразительными случаями, когда празднования небесным тезкам у носителя двуименности приходятся на один и тот же день и человек получает, например, имя *Борис* в качестве крестильного, а *Глеб* – в качестве публичного, как это было в XVII в. с одним из братьев Морозовых. Не исключено, что с такой же ситуацией однодневности мы имеем дело и в случае с *Анастасией / Василисой* – святых с таким именем в месяцеслове несколько, и при этом празднование сомученицам римским Анастасии и Василиссе совершается 15 апреля.

Кроме того, вполне возможно, что обладателем двух христианских имен в миру был по крайней мере еще один князь, старший современник Дмитрия / Фомы Суздальского, и один знаменитый княжеский крестник, более всего известный как митрополит Алексей.

² Случай *Андрея / Максима*, помимо всего прочего, наглядно демонстрирует, что корректнее говорить о теснейшей связи даты рождения человека и дня памяти его патронального святого по крестильному имени, а не о безусловном их тождестве. В самом деле, в летописях сообщается, что Андрей Дмитриевич родился 14 августа, празднование же Максиму Исповеднику в месяцесловах приурочивается к 13 августа и лишь в исключительных случаях к 14 августа (см. подробнее: Турилов 2006, 197–198). Быть может, мы имеем дело здесь с довольно распространенной проблемой несовпадения обиходной и собственно церковной границы суток или с тем, что процесс появления ребенка на свет и публичное объявление об этом событии могли «не уложиться» в один день.

В самом деле, мы более или менее твердо знаем, что два имени было у московского великого князя Симеона Гордого, поскольку завещание свое он начинает со слов «...се изъ, худый грѣшныи рабъ б(о)жии Созонтъ...» (ДДГ, 13, № 3). Однако до сих пор исследователи скорее склонны были полагать, что *Созонт* — это монашеское имя князя, принятое им на смертном одре (Каштанов 1979, 241, примеч. 24; Кучкин 1989, 102–103, 104).³ К такому выводу, казалось бы, подталкивает то обстоятельство, что имена эти начинаются с одной и той же буквы, а потому имя *Созонт* могло быть по этому принципу подобрано к *Симеон* (будь оно крестильным).

С другой стороны, в духовной князя нигде не упоминается о факте его пострижения, что несколько необычно для завещания, составленного в иночестве. Еще больше оснований заподозрить, что имя *Созонт* князь Симеон носил в мирской жизни, дает тот факт, что на св. Созонта этот сын Ивана Калиты появился на свет (Приселков 2002, 355), что, как мы знаем по более поздним свидетельствам, служило регулярным основанием для выбора непубличного имени. Кроме того, позднейшие данные позволяют нам удостовериться, что мирская христианская двуименность вполне допускала возможность совпадения начальных букв в светских именах одного и того же лица – имена, судя по всему, не подбирались специально по этому признаку, но и ничего недопустимого в таком созвучии не было. Во всяком случае, известны люди, носившие в миру имена *Алексей / Агапит*, *Афанасий / Аверкий*, *Андрей / Алексей*, *Елеазар / Евфимий*, *Илья / Иван*, *Кирилл / Кириак*, *Петр / Полиевкт*, *Севериан / Сисой*, *Сергей / Семен*, *Тихон / Тимофей*, *Федор / Феопемпт*, *Феодосий / Федор* и др. Все вышеизложенное делает предположение о двух мирских христианских именах Симеона Гордого наиболее вероятным из всех возможных, притом что полная его аргументация должна, разумеется, быть предметом отдельной работы.

В еще большей степени отдельного исследования заслуживает антропимическое досье митрополита Алексея. Мы ограничимся лишь кратким его изложением, тем более что к семье Рюриковичей он не принадлежал, хотя весьма вероятно, что по меньшей мере одно из имен для него выбрал князь Иван Калита, отец Симеона Гордого, который был крестным будущего святителя. В некоторых источниках сообщается, что в миру этот старший сын Федора Бяконт был *Симеоном*, некоторые тексты даже указывают, что это имя он получил при крещении (ПСРЛ, XV/1 (1922), 121; XVIII (1913), 120; XXIII (1910), 121). С другой стороны, у нас есть отдельные свидетельства, из которых недвусмысленно следует, что в миру у него было имя *Елевферий* (ПСРЛ, XI (1897), 30; XV/2 (1863), 437; ср.: Антонов 2011, 84, л. 147 / 135, гл. 18; Бочкарева & Бычкова, II, 123, гл. 13). То обстоятельство,

³ Исключение из общего ряда составляет замечание М.Н. Тихомирова, считавшего, что *Созонт* – это молитвенное, т.е. еще одно мирское имя князя Симеона Гордого (Тихомиров 1947, 39, примеч. 3).

что в монашестве ему было дано имя *Алексей*, дает некоторые основания полагать, что источники здесь не столько противоречат, сколько дополняют друг друга, как это нередко бывает, когда речь идет о светской двуименности. В самом деле, орфографическая вариативность имен *Елевферий* (*Олуферий*, *Алферий*) и *Алексей* (*Олексей*) подталкивает к выводу, что одно из них подбиралось к другому, тогда как более частотное (публичное?) *Симеон* в этой операции задействовано быть не могло.

Однако эта, казалось бы, ясная схема (крестильное *Алферий* (*Олуферий*, *Олферий*) – публичное *Симеон*, а впоследствии – монашеское *Алексей*) применительно к рубежу XIII–XIV вв., времени появления сына Федора Бяконта на свет, не может быть признана совершенно бесспорной. Действительно, на Руси существовало по крайней мере две традиции выбора иноческого имени при постриге – по дате пострижения и по созвучию с именем крестильным. Вторая традиция начинается явно доминировать над первой лишь в конце XIV в., тогда как в более раннее время она лишь пытается конкурировать с ней – соответственно, о статусе христианских имен митрополита Алексея довольно трудно сказать что-то определенное.

Можно ли продлевать существование светской христианской двуименности в доме Рюриковичей еще далее, вглубь XIII столетия? В качестве гипотезы такое допущение кажется нам вполне уместным, поскольку к рубежу XII–XIII вв. мы наблюдаем явное усиление роли календаря в жизни княжеского рода и целый ряд эволюционных изменений в династическом имяназвании в целом. В нашем распоряжении есть несколько «темных» случаев, где наличие двух мирских христианских имен у одного и того же лица могло бы объяснить некоторые запутанные матримониально-генеалогические коллизии. Твердых же доказательств, демонстрирующих столь раннее существование этой традиции, у нас нет, что, впрочем, и неудивительно, если учитывать специфику источников этого периода.

Так или иначе, очевидно, что уже в первой трети XIV столетия в доме Рюриковичей была принята такая модель двуименности, когда у человека есть публичное династическое имя и несовпадающее с ним имя крестильное, и что к концу этого века московский княжеский дом по-прежнему данной модели придерживался. Подчеркнем еще раз, что подобная двуименность уже в ту пору легко соседствовала с христианской одноименностью не только в одном социуме или в одном роду, но и в одной семье, в том числе великокняжеской.

*

Какую же картину мы застаем в XVI столетии, ставшим, в сущности, последним для прямой преемственности Рюриковичей на престоле?

В качестве своеобразной финальной точки правления династии Рюриковичей на Руси можно выбрать одну из двух фигур – погибшего в Угличе царевича Дмитрия, который престола так никогда и не унаследовал, и царя

Василия Шуйского, который, принадлежа к этому же княжескому роду, ни сыном, ни братом своим предшественникам не приходился. В ономастическом отношении обе связанные с ними антропонимические ситуации весьма характерны и по-своему выразительны, однако здесь мы сосредоточимся лишь на сыне Грозного, поскольку он по рождению принадлежал к правящему дому и его имянаречение эту принадлежность изначально учитывало.

Царевич Дмитрий, подобно своему отдаленному предку Дмитрию / Фоме Суздальскому, был обладателем двух христианских имен – еще одним его именем, помимо общеизвестного династического *Дмитрий*, было, как явствует из ряда источников, *Уар*. Память св. Уара отмечается единожды в году 19 октября, память же св. Дмитрия Солунского, в честь которого царевич получил свое публичное имя, праздновалась, как уже не раз упоминалось, октября 26. Казалось бы, перед нами все та же модель имянаречения, которая использовалась русскими князьями еще в XIV в. и оставалась столь популярной у их подданных в веке XVI – празднования двум личным патронам нарекаемого отделены друг от друга сравнительно небольшим временным промежутком, при этом непубличное имя соответствует дню его появления на свет и оно-то и является именем крестильным.

На деле же применительно к царевичу Дмитрию эта модель соблюдается во всех пунктах за исключением одного, пожалуй, самого кардинального – судя по всем признакам и показаниям источников, крещен он был все же не *Уаром*, а *Дмитрием*, т.е. своим публичным династическим именем (РИБ, XIII (1909), 95; Буганов & Корецкий & Станиславский 1971, 240; ср. также: Леонид Кавелин, II (1893), 67). Хотя этот младший сын Грозного не принимал пострига, а потому мы лишены последнего безапелляционного аргумента в виде иноческого имени, сомневаться в функциональном распределении его мирских христианских имен у нас, как кажется, нет оснований. Более того, он был не первым в своей семье, у кого на одно и то же имя возлагалась роль династического и крестильного, тогда как второе оказывалось в имянаречении всего лишь своеобразным благочестивым придатком.

Так, отец ребенка, Иван Грозный, появившийся на свет, как известно, на память апостола Тита, не только весьма почитал этого святого, но, судя по отдельным источникам, был непосредственным обладателем имени *Тит*. Тем не менее крестили будущего царя во имя Иоанна Предтечи, и, соответственно, он получил то же династическое имя, что носил его родной дед Иван III, не говоря уже о великом множестве более отдаленных родичей. Помимо всего прочего, статус имени *Иван* в его случае запечатлелся и в подборе монашеского имени, поскольку на смертном одре Грозный становится *Ионой*.

Весьма вероятно, что аналогичным образом была устроена и ситуация с двумя именами единокровного брата царевича Дмитрия, еще одного сына

Грозного, царя Федора Ивановича. В подавляющем большинстве источников он фигурирует исключительно под именем *Федор*, его небесным патроном стал Федор Стратилат, чья память отмечалась вскоре после рождения царевича, 8 июня. Известно, однако, что у Федора был еще один святой покровитель, непосредственно связанный с датой его появления на свет 31 мая.

В этот день церковь отмечает память двух святых тезок, чьи образы в месяцесловной традиции нередко сливаются воедино – апостола Ерма и мученика Ермия. Материальные свидетельства почитания царем своего покровителя по дню рождения не столь многочисленны, но совершенно несомненны. Так, на кадиле, пожертвованном царицей Ириной Годуновой в Архангельский собор Московского Кремля и, по-видимому, созданном еще при жизни царя, можно видеть изображение не только мученицы Ирины и Федора Стратилата, но и св. Ермия (Мартынова 1999, 323, 330, илл. № 9, 334, примеч. 26; Мартынова 2002, 403–404). Фигура этого святого присутствует в числе других изображений небесных покровителей царской семьи и на подвесной пелене конца XVI в. к иконе «Богоматерь Тихвинская» (Вилкова 2003, 349–351, № 123). В Переславском Федоровском монастыре, с которым, по монастырской легенде, связано появление царевича на свет, в дьяконнике соборного храма во имя Федора Стратилата имелся придел апостола Ермия (Баталов 1996, 80). Кроме того, известно, что к памяти св. Ермия (Ерма) в свое время было приурочено его венчание на царство в 1584 г. (ПСРЛ, XXXIV (1978), 230; XXIX (1965), 220), задравный прижизненный корм по Федору Ивановичу давался не только на память Федора Стратилата, на 8 июня, но и на 31 мая (Шаблова 2012, 128, л. 208 об., 210 об., 380–381, примеч. 297; ср. также: Сахаров 1851, 79).

С филологической точки зрения, наиболее существенно, пожалуй, что в нашем распоряжении имеется текст, где царь Федор напрямую именуется тезкой св. Ермия (см. ниже). Таким образом, мы получаем недвусмысленное доказательство того, что царь не только почитал этого святого, но и был обладателем соответствующего имени. С другой стороны, очевидная раритетность упоминаний этого именованья в источниках, в целом куда более подробно рассказывающих о различных фактах, связанных с правлением Федора Ивановича, нежели о делах и событиях XIV столетия, говорит о том, что едва ли имя *Ермий* было для него крестильным – напротив, есть множество косвенных указаний, согласно которым в крещении этот сын Ивана Грозного, подобно многим своим предкам, стал *Федором*.⁴

⁴ Наиболее весомым из этих свидетельств является, пожалуй, запись в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря, где 8 июня (память Федора Стратилата) названо именинами этого государя (Кириченко & Николаева 2008, 219, л. 225; ср.: Сахаров 1851, 80, 89). О патронате св. Федора Стратилата см. подробнее: Мельник 1999, 42–44; Литвина & Успенский 2006, 616–617.

Наконец, родовое, династическое имя получил в крещении дед Федора и Дмитрия, отец Ивана Грозного – Василий III, родившийся в 1479 г. Хотя его второе имя *Гавриил* хорошо известно по целому ряду источников, он не только царствовал как *Василий*, но и пострижен был на смертном одре с именем *Варлаам*, явно подобранном по созвучию к имени публичному, а не к тому, что было дано ему по дню появления на свет (Успенский 2017; Литвина & Успенский 2018, 275–280).

Итак, в семьях этих последних поколений московских государей из рода Рюриковичей мы можем наблюдать иную модель функционирования светской христианской двуименности, нежели у их предков в XIV в. К этому времени публичное имя вобрало в себя практически все функции: оно оказывается не только родовым, династическим, но и крестильным, тогда как на долю имени, выбираемого по дню появления на свет, остается лишь довольно ограниченный набор функций, связанный с личным благочестием. Более того, создается впечатление, что на протяжении жизни трех поколений, условно говоря, от Василия / Гавриила до Федора / Ермия и Дмитрия / Уара, роль этого второго непубличного имени продолжает редуцироваться, становится все более скромной. Обратим внимание, что имя *Гавриил* для Василия III фигурирует во множестве собственно русских источников, оно проникает в сочинения иностранцев, оно запечатлено в фактах церковного строительства, в датах посмертных кормов – словом, его присутствие столь обильно, что не дойди до нас его иноческое имя, мы могли бы сомневаться, был ли будущий великий князь крещен *Василием* или *Гавриилом*.

Что касается поколения его сыновей, то наглядность манифестации христианской двуименности здесь оказывается куда скромнее. В самом деле, у младшего из них, Юрия Васильевича, второго христианского имени скорее всего не было (хотя полной уверенности в этом у нас быть не может). Речь идет, по-видимому, лишь о почитании святого, связанного с днем его рождения, а не об обладании соответствующим именем. Согласно различным летописным данным, Юрий родился то ли 30 октября (ПСРЛ, VIII, 280–281; XIII, 66; XX/1, 414; ср.: ПСРЛ, XXIII, 205), то ли 31 октября (ПСРЛ, XXXIV, 17). При этом на заказанном Грозным окладе к иконе «Троицы» из Троице-Сергиева монастыря среди drobниц, на которых изображены святые, связанные с членами царской семьи, есть изображения апостола Стахия, чья память празднуется именно 31 октября (Клосс 1998, 80–81). При всем том, какие-либо заздравные или поминальные корма по князю, соотносимые с празднованием апостола Стахию, нам не известны, тем более не известно никаких текстов, где Юрий Васильевич назывался бы именем *Стахий*.

У его старшего брата, Ивана Грозного, второе христианское имя, как уже говорилось, было, однако по своему функциональному статусу оно в определенном смысле занимает промежуточное положение между той

ролью, которую имя *Гавриил* играло для его отца, и тем местом, что занимала фигура апостола Стахия в судьбе его младшего брата Юрия. Действительно, на память апостола Тита («на Титов день»), небесного патрона царя по дню рождения, даются царские задравные корма в монастырях (Сахаров 1851, 87; Шаблова 2012, 356, примеч. 118), а изображение Тита присутствует среди пресловутых дробниц с Грозненского оклада иконы «Троица» (Клосс 1998, 80). С другой стороны, масштабных свидетельств церковного строительства, посвященного апостолу Титу, сопоставимого с тем, что некогда связывалось с архангелом Гавриилом, мы не обнаруживаем. Тексты же, где Иван Грозный именуется *Титом*, до нас дошли, но при этом они весьма малочисленны и неоднозначны по своей жанровой природе – речь идет о пророчестве, риторическом уподоблении, а не о сколько-нибудь регулярном использовании имени *Тит* по отношению к царю. При этом если в случае с Юрием Васильевичем можно было бы до какой-то степени апеллировать к общему дефициту упоминаний о его публичной и церковной жизни, то для его старшего брата, Ивана IV, ни о какой скудости данных говорить, разумеется, не приходится – напротив, трудно переоценить обилие, разнообразие и разветвленность проявлений культа личных небесных покровителей царской семьи в его эпоху. Соответственно, тем очевиднее выглядит редкость упоминания имени *Тит* по отношению к Грозному.

Если мы обратимся к следующему поколению, то здесь контрастность одноименности и двуименности окажется еще менее выраженной, что особенно хорошо видно на примере двух сыновей Грозного, обладавших максимально властными привилегиями. Царевич Иван Иванович, провозглашенный соправителем отца, по всей видимости, обходился без второго христианского имени. На свет он появился на день памяти свв. Марка Арфусийского и Кирилла Диякона – изображения этих святых (вместе с Иоанном Лествичником) присутствуют на связанной с его рождением панагии (Постникова-Лосева 1976, 231). Известны и распоряжения Ивана Грозного о монастырских кормах, приуроченных именно к этому дню (Леоид Кавелин 1879, 51–52; Арсеньев 1911, 399–400). Характерно, однако, что Марк и Кирилл, агиографически между собой никак не связанные, в биографии царевича присутствуют в виде некоего слитного единства, ни одно из их имен ничем не выделено на фоне другого – подобное отсутствие выбора свидетельствует, скорее, о том, что ни одно из них и не было закреплено за царевичем в качестве второго христианского имени. В нашем распоряжении нет, разумеется, и текста, где Иван Иванович назывался бы *Марком* или *Кириллом*.

Что же касается его брата, Федора / Ермия, то, как уже говорилось, соответствующий текст существует, но представляет собой сложную риторическую характеристику, далекую от обиходного использования имени – автор «Временника», Иван Тимофеев, сообщает об этом следующим образом:

Тезоименень бо бѣ онъ Федор Ивановичъ богозрителю Іереміюви по имени... (РИБ, XIII (1891), 450; Державина 1951, 152, л. 283).⁵

Иными словами, в трех поколениях Рюриковичей, от деда к внуку, от Василия – к Федору, некрестильные и непубличные христианские имена все реже упоминаются напрямую в письменных памятниках и, по-видимому, гораздо реже используются в качестве имен как таковых. В сущности, на глазах размывается граница между одноименностью и двуименностью в обиходе правящего рода, и происходит это отнюдь не в пользу последней – светская двуименность все более низводится к простому почитанию святых, связанных с днем появления на свет. Почитание же такого рода возможно и в ситуации одноименности, ему вовсе необязательно воплощаться в собственно антропонимическом пространстве.

*

Посмотрев на две крайние точки интересующей нас эволюции, на первую половину XIV в. и конец XVI в., естественно задаться вопросом, когда же в династии были сделаны начальные шаги в направлении от одной модели к другой? Был ли Василий III первым, кто, будучи обладателем двух христианских имен в миру, получил династическое имя в качестве крестильного, или перелом совершился раньше? Как вообще была устроена династическая двуименность в XV в.?

Хорошо известно, например, что два христианских имени было и у отца Василия / Гавриила – Ивана III, который звался еще и *Тимофеем*. Второе его имя представлено в источниках относительно неплохо, хотя, вне всякого сомнения, оно всегда сохраняло за собой статус непубличного. Однако относительно того, какое из двух имен великого князя, правнука Дмитрия Донского и двоюродного внука Андрея / Максима, было крестильным, никакой ясности не существует – пострига Иван / Тимофей не принимал, а эпитеты, предпосылаемые двум его именованиям в различных источниках, достаточно противоречивы и ни в коей мере нетерминологичны.⁶ У его

⁵ Усложненная форма имени апостола в свое время ввела в заблуждение публикатора «Временника» О.А. Державину, которая отождествила его с именем библейского пророка Иереми (память празднуется 1 мая) (Державина 1951, 501, примеч. 327; ср. также: Солодкин 2002, 60), где присутствует та же ошибка). Такого рода путаница, впрочем, имеет давнюю традицию и отчасти восходит к XVII столетию. См. подробнее: Литвина & Успенский, в печати.

⁶ «Въ лѣто 6948 (1440). Родися великому князю сынъ Иванъ, генваря 22. О семъ же прорече старецъ святой, именемъ Михаилъ, въ Великомъ Новѣградѣ, въ монастыри на Веряжѣ; пришеду къ нему архіепископу Евѡимію, онъ же рече владыцѣ: “днесъ, отче, у великого князя на Москвѣ радость”; владыка рече: “коа, отче, радость?” старецъ рече: “родися великому князю сынъ Тимофѣй, а дали имя ему Юанъ, и будетъ наслѣдникъ отцу своему, и разорити имать обычаи наша земли Нов-

отца, Василия Васильевича Темного, второго христианского имени, судя по всему, не было, во всяком случае, ни в одном источнике нет даже косвенного его упоминания, а, напротив, есть особый комментарий, почему он получил имя *Василий*, а не какое бы то ни было другое (ПСРЛ, VI/2 (2001), 40; VIII (1859), 87; XXI/2 (1913), 457–458).⁷ Относительно числа христианских имен родного деда Ивана III, Василия Дмитриевича, у нас нет решительно никаких сведений.

Таким образом, может показаться, что для дома московских Рюриковичей бо́льшая часть XV в. являет собой нечто вроде ономастического «черного ящика»: они входят в него с противопоставлением ‘династическое имя vs. имя крестильное’, а выходят, таинственным образом, уже без этой противопоставленности. На самом же деле некоторый материал для того, чтобы попытаться реконструировать момент перехода от одной модели к другой в нашем распоряжении все же, как кажется, есть.

Особого внимания здесь заслуживает то, какие имена давались братьям Василия / Гавриила и их немногочисленным отпрыскам, кузенам Грозного. Среди них же, в первую очередь, нам интересна линия князей Старицких – Андрея Васильевича († 1537) и его сына, Владимира Андреевича († 1569). Известно, что у них обоих, и у отца, и у сына, помимо публичного, было и еще одно христианское имя. Брат Василия / Гавриила, Андрей, был еще и *Евсигнием*, а его сын, Владимир Андреевич – *Иакинфом*. Прямые же указания относительно того, какое из двух этих имен для каждого из них стало крестильным, в доступных нам источниках отсутствуют.

При этом существует документ, который косвенным образом проливает свет на эту проблему. Речь идет о духовной Юрия Андреевича Оболенского (Меньшого), содержащей целый ряд описаний икон, которые он оставляет членам своей семьи. Обычно из всех этих описаний, зачастую довольно подробных, внимание исследователей привлекает лишь одно – упоминание об иконе письма Андрея Рублева. В перспективе же княжеской двуименности особую роль приобретает другая икона, одна из тех, что завещатель предназначает своей дочери Аграфене.

Дело в том, что Юрий Андреевич Оболенский был боярином Владимира / Иакинфа Старицкого и, что еще более существенно, для нас, был женат на родной тетке князя, сестре знаменитой Евфросинии Старицкой (супруге Андрея / Евсигния и матери Владимира / Иакинфа). Неслучайно, поэтому, что среди принадлежащих ему святынь обнаруживается «образ Евсегней да Владимир да Ефросинья на одну икону» (АФЗХ, II, 210, № 207). Не вызывает никаких сомнений, что перед нами икона с патрональными

городскія, погибель граду нашему будетъ, и многимъ землямъ страшень будетъ» (ПСРЛ, VIII, 108); «Преставися благовѣрный и христіолюбивый великій князь Иван Васильевич всеа Русіи, рекомый Тимошей...» (ПСРЛ, XXII/1, 536).

⁷ Ср. также: ПСРЛ, XI (1897), 225–226; XX (1910), 230; XXIII (1910), 144–145; XXV (1949), 241; Покровский & Сиренов 2012, 343–344.

святыми семьи князей Старицких, которые приходились близкими свойствами автору завещания и близкой кровной родней его дочери.

Замечательно, что при создании этого образа был осуществлен некий выбор – в композицию было включено лишь по одному из святых тезок отца и сына. Но почему же в таком случае для старшего из них избран его святой патрон по непубличному имени, тогда как для младшего – по имени публичному? Естественно допустить, что эта кажущаяся асимметрия вызвана стремлением запечатлеть на иконе княжеских патронов по их крестильным именам, и в таком случае у старшего оно противопоставлено династическому, публичному, тогда как у младшего совпадает с ним. Иначе говоря, Андрей / Евсигний был в крещении *Евсигнием*, а Владимир / Иакинф – *Владимиром*.

Подобный вывод подкрепляется и характером посмертного поминовения отца и сына. Вообще говоря, индивидуальные ежегодные поминальные корма в эту эпоху чаще всего приурочиваются ко дню преставления и дню памяти тезоименитого святого, иногда корм по целой группе близких родственников мог даваться на тезоименитство кого-то одного из них. Если речь идет о семье состоятельной, то ее представители могут поминаться в дни патрональных святых по двум своим христианским именам, но в любом случае в выборе дат поминовения предпочтение явно отдается празднику святого тезки по крестильному имени. Относительно же князей Старицких известно, что Андрея / Евсигния поминали прежде всего на св. Евсигния (5 августа) (Алексеев 2010, 28–29, л. 12; Леонид Кавелин 1879, 47), а затем и на Андрея Стратилата (Шаблова 2012, 132, л. 226 об.), тогда как Владимира / Иакинфа могли помянуть на день кончины, вместе с отцом, вместе со всеми удельными князьями – и на св. Владимира (15 июля) (Апухтин 1914, 38, 39; Шаблова 2012, 130, л. 219 об.), но, что для нас весьма важно, не на св. Иакинфа.⁸

Итак, мы можем попытаться воссоздать переход от одной модели к другой следующим образом: Василий, старший сын Ивана III от Софьи Палеолог, был крещен в соответствии с новой моделью своим династическим именем *Василий*, тогда как один из младших сыновей этой княжеской четы нарекается еще по модели прежней, когда крестильным становится имя *Евсигний*, выпавшее ему по дню рождения, а в качестве династического избирается традиционное княжеское имя *Андрей*, обнаруживающееся в достаточно близких календарных окрестностях от дня памяти св. Евсигния. Однако впоследствии, когда у самого Андрея Старицкого появляется наследник, он поступает так, как действовал его отец со старшим сыном Василием / Гавриилом, и так, как сам Василий — со своим старшим сыном

⁸ В поздних источниках эпизодически может появляться и второе имя князя – *Иакинф*, но поминовение его в любом случае приурочивается к 15 июля, памяти св. Владимира (Кириченко & Николаева 2008, 234, л. 250).

Иваном / Титом, будущим царем Иваном IV. Давая своему сыну имя *Владимир*, Андрей Иванович прибегает к новой модели и совмещает все основные функции в династическом *Владимир*; *Иакинф* же остается не более чем благочестивой эмблемой дня рождения княжича. Быть может, воспроизведение этой великокняжеской модели имянаречения знаменовало собой попытку отстоять некие властные привилегии своей семьи вопреки складывающемуся единоподержавию, однако судить об этом наверняка достаточно трудно.

Разумеется, такая реконструкция истории имянаречения в семье князей Старицких не может окончательно убедить нас, что перелом в системе двуименности у правящих Рюриковичей пришелся в точности на наречение Василия III – как уже упоминалось, мы явно недостаточно знаем о функциональном распределении имен его отца, Ивана / Тимофея, части братьев⁹ и старшего племянника.¹⁰ Однако в качестве косвенных признаков инновационности имянаречения Василия / Гавриила может служить, например, знаменитое свидетельство Сигизмунда Герберштейна относительно того, что по смерти отца тот «завладел княжеской властью, не будучи, однако, венчан, а только переименовав имя Гавриил на Василий» (Герберштейн 1988, 66). Подобная ремарка, хотя и не соответствующая истинному положению дел, может отражать общераспространенную и подхваченную Герберштейном точку зрения, согласно которой подлинным именем правителя является то, что выпало ему Божьим промыслом по рождению.

Не исключено, что именно своеобразная неапробированность изменения статуса двух христианских имен порождала ситуацию, когда сам великий князь и его окружение уделяли этим именам (а, вернее, княжеским небесным тезкам по этим именам) практически равное внимание в церковном обиходе. Упомянем еще раз, что Иван Грозный, для которого в таком распределении уже не оставалось ничего непривычного, действовал иначе

⁹ Так, у самого старшего из сыновей Ивана III, Ивана Ивановича, родившегося в первом браке великого князя, второго имени вроде бы не просматривается, но этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Чрезвычайно интересная и сложная структура поминальных кормов по еще одному брате Василия III, Юрии, которую мы намерены обсудить в отдельной работе, позволяет утверждать, что он почитал св. Никона, память которого приходилась на его день рождения (23 марта), но вот носил ли он имя *Никон* сказать пока затруднительно.

¹⁰ Кузен Грозного, скончавшийся задолго до его рождения, – знаменитый Дмитрий Внук, сын Ивана Ивановича и Елены Волошанки, был обладателем еще одного имени, *Евламний*. Во всяком случае, помимо следов почитания св. Евлампия в великокняжеской семье, известен текст, где этот недолгий соправитель собственного деда напрямую так назван: «Въ лѣто 6992 (1484) въ той же день (10 октября) родился князь Дмитрий Ивановичъ и даша ему имя Евлампій» (Лихачев 1928, 89; ср.: ПСРЛ, VIII (1859), 215). Однако никаких сведений о том, которое из двух имен, *Дмитрий* или *Евламний*, стало для него крестильным, мы не располагаем.

и отдавал Иоанну Предтече несомненное предпочтение перед апостолом Титом.

*

Итак, наречение двумя христианскими именами в правящей династии Рюриковичей происходило по двум основным моделям – более ранней, когда крестильное имя оставалось непубличным и не совпадало с династическим, но зато строго соотносилось с датой рождения, и более поздней, когда династическое имя было одновременно и крестильным, а имя, связанное с днем рождения, оставалось непубличным элементом личного и семейного благочестия.

Мы предполагаем, что кардинальный перелом в структуре династической христианской двуименности, переход от одной модели к другой, начинается, скорее всего, в последней трети XV столетия, а безусловно завершается к 30-м годам XVI в. Именно в XVI в., когда двуименность в источниках представлена весьма широко, стратегия имянаречения Рюриковичей московского дома предопределила ее закат. Традиция шла на убыль постепенно, причиной ее исчезновения стала не смена династии и не бюрократизирующая унификация при Петре I. Хотя и то, и другое сыграло заметную роль в этом процессе, однако в его основе лежало, по-видимому, своеобразное стремление подражать антропонимической тенденции, которую задавал старый правящий род.

Весьма характерно, например, что в боярской семье Романовых двуименность вполне присутствовала, однако она полностью исчезает, как только Романовы приобретают права на царский престол. Ни для кого из отпрысков Михаила Федоровича или Алексея Михайловича не сохранилось решительно никаких свидетельств об обладании двумя христианскими именами в миру, притом, что ни один из них, включая Петра I, не выражал неприятия такой ономастической практики у своих подданных.¹¹ Поэтапное угасание этой многовековой традиции на Руси происходило естественным путем и шло с различной скоростью в разных социально-культурных

¹¹ Алексей Михайлович охотно использовал оба имени своих приближенных в пределах одного письма, маркируя, тем самым, переход от инструкций в военных делах к наставлениям в делах церковных (Литвина & Успенский 2018 (а), 340). Что касается Петра I то ему случалось давать по два имени своим крестникам – так, сыновья Меншикова получили от него имена *Петр / Лука* и *Павел / Самсон*. Первые именования в этих парах (*Петр* и *Павел*) имели отношение к имени их царственного крестного, тогда как вторые (*Лука* и *Самсон*) носили календарно-эмблематический смысл и связаны были не с днями появления мальчиков на свет, но с датами судьбоносных сражений (битва при Калише приходилась на 18 октября, память апостола Луки, тогда как Полтавская битва произошла 27 июня, на св. Самсона Странноприимца).

стратах, так что всегда оставался шанс для локальной консервации или неожиданного возобновления подобной практики.

Литература

- Алексеев, А.И. 2010. Первая редакция Вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.). *Вестник церковной истории* 3–4 (19–20), 17–117.
- Антонов, А.В. 2011. *Памятники истории русского служилого сословия*. Москва.
- Апухтин, В.Р. 1914. Кормовая книга Псково-Печерского монастыря. *Летопись Историко-родословного общества в Москве* 1 (37). Год десятый, 23–42.
- АФЗХ. 1951–1961. *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.* I–III. Москва.
- Баталов, А.Л. 1996. *Московское каменное зодчество конца XVI века: Проблемы художественного мышления эпохи*. Москва.
- Бочкарева З.Н. & М.Е. Бычкова, 1977. *Редкие источники по истории России I–II*. Москва.
- Буганов, В.И. & В.И. Корецкий & А.Л. Станиславский. 1971. «Повесть како отомсти» – памятник ранней публицистики Смутного времени. *Труды отдела древнерусской литературы XXVIII*, 231–254.
- Вилкова, М.В. 2003. Подвесные пелены к иконам и облачения духовенства. *Царский храм: Святые Благовещенского собора в Кремле*. Москва, 339–366.
- Герберштейн, С.. 1988. *Записки о Московии*. Москва.
- ДДГ. 1950. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* Москва, Ленинград.
- Державина, О.А. 1951. *Временник Ивана Тимофеева*. Москва, Ленинград.
- Каштанов, С.М. 1979. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. *Вспомогательные исторические дисциплины* 11, 238–251.
- Кириченко, Л.А. & С.В. Николаева. 2008. *Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация)*. Москва.
- Клосс, Б.М. 1998. *Избранные труды 1. Житие Сергия Радонежского*. Москва.
- Комарович, В.Л. 1960. Культ рода и земли в княжеской среде XI – XIII вв. *Труды Отдела древнерусской литературы XVI*, 84–104.
- Кучкин, В.А. 1989. К датировке завещания Симеона Гордого. *Древнейшие государства на территории СССР 1987*. Москва, 99–106.
- Леонид Кавелин. 1879. Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкия Сергиевы лавры. Горский, А.В. 1879. *Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида*. Москва.
- 1893–1894. *Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа Уварова I–IV*. Москва.
- Литвина, А.Ф. & Ф.Б. Успенский. 2006. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики*. Москва.
- , — 2015. Именины в пространстве летописного нарратива. *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies* 4/1, 218–239.
- , — 2018. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси. *Средневековая Русь* 13, 241–280.

- , — 2018 (а). Русская христианская двуименность в филологической перспективе: Из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева. *Slavistična revija* 66/3, 333–354.
- , — (в печати). Имена и даты в семье царя Федора Ивановича. *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*.
- Лихачев, Н.П. 1928. *Материалы для истории византийской и русской сфрагистики* 1. Ленинград.
- Мартынова, М.В. 1999. Оклад иконы «Богоматерь Смоленская» и черневая гравюра XVI в. *Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования*. Москва, 318–335.
- 2002. Художественный металл в интерьере Архангельского собора. *Архангельский собор Московского Кремля*. Москва, 399–430.
- Мельник, А.Г. 1999. Практика посвящений храмов во имя патрональных великокняжеских и царских святых в XVI в. *Царь и царство в русском общественном сознании*. Москва, 38–48.
- Покровский, Н.Н. & А.В. Сиренов. 2012. *Латухинская Степенная книга: 1676 год*. Москва.
- Постникова-Лосева, М.М. 1976. Три камеи Государственной Оружейной палаты. *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975*. Москва. 220–233.
- Приселков, М.Д. 2002. *Троицкая летопись*. Санкт-Петербург.
- ПСРЛ. 1841–2004. *Полное собрание русских летописей* I–XLIII. Москва, Санкт-Петербург/Петроград/Ленинград.
- РИБ. 1872–1927. *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею* I–XXXIX. Санкт-Петербург/Петроград/Ленинград.
- Сахаров, И.П. 1851. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря. *Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества* I, 46–89.
- Солодкин, Я.Г. 2002. «Временник» Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. Нижневартовск.
- Тихомиров, М.Н. 1947. *Древняя Москва (XII–XV вв.)*. Москва.
- Турилов, А.А. 2006. К биографии и генеалогии Михаила Клопского. *Средневековая Русь* 6. Москва, 178–209.
- Успенский, Б.А. & Ф.Б. Успенский. 2017. *Иноческие имена на Руси*. Санкт-Петербург.
- Успенский, Ф.Б. 2017. Христианская двуименность на Руси в XIV–XVI веках. Догадки и закономерности – *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции*. Москва, 13–15 апреля 2017 г. Москва, 41–44.
- Шаблова, Т.И. 2012. *Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках*. Публикация: *Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой*. Санкт-Петербург.

Москва, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
(annalitivina@gmail.com)
(fjodor.uspenskiy@gmail.com)

Анна Ф. Литвина
Федор Б. Успенский